

ПРОБЛЕМЫ СЕКУЛЯРИЗАЦИИ В ОБЩЕСТВАХ СО МНОГИМИ РЕЛИГИЯМИ

С 27 по 30 ноября в Ташкенте проходил советско-индийский симпозиум «Проблемы секуляризации в обществах со многими религиями: опыт СССР и Индии».

С советской стороны симпозиум был организован Институтом этнографии АН СССР совместно с Институтом научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС и Академией наук Узбекской ССР, с индийской — Индийским советом по исследованиям в области общественных наук. Симпозиум проходил под общим руководством вице-президента Академии наук Узбекской ССР акад. М. К. Нурмухамедова. Основные работы по подготовке симпозиума взял на себя институт Истории АН Узбекской ССР, возглавляемый М. А. Ахуновой.

Международный симпозиум, посвященный рассмотрению процесса освобождения общественной жизни от влияния религии, проводился в Советском Союзе впервые. Тема симпозиума имеет не только познавательный интерес. Во многих странах мира религия еще остается значительной силой, оказывающей влияние на социальную, культурную и даже политическую жизнь. Она мешает осуществлению прогрессивных преобразований в развивающихся странах, ибо поддерживает сложившиеся на протяжении многих столетий нормы и обычаи, которые уже вступили в противоречие с современными потребностями общества. Поэтому задача ограничить, ослабить роль религии и сегодня актуальна для многих стран, в частности для Индии, где религия еще не утратила своего былого влияния на жизнь населения.

Советская делегация (руководитель — В. Н. Басилов) насчитывала 40 человек.

В ее состав входили как докладчики (И. А. Крывелев, С. А. Токарев, А. Ф. Окулов, П. К. Курочкин, В. Ф. Миловидов, Г. М. Керимов, А. И. Клибанов, Л. А. Тульцева, Э. Г. Филимонов, А. В. Нуруллаев, В. Н. Басилов — Москва; С. М. Мирхасилов — Ташкент; К. К. Кубаков — Самарканд), так и специалисты, предполагавшие принять участие в дискуссиях. Для того чтобы в ходе дискуссий могло быть детально освещено состояние религии в разных регионах нашей страны, для участия в симпозиуме дополнительно были приглашены ученые из Москвы (Н. Р. Гусева, Ю. И. Семенов), Вильнюса (Я. В. Минквичюс), Улан-Удэ (К. М. Герасимова, Р. Е. Пубаев), Чебоксар (П. В. Денисов, Г. Е. Кудряшов), Уфы (Н. М. Балтина, М. М. Сагитов), Баку (А. Ф. Ахадов, Г. А. Гулиев), Душанбе (М. Хамиджанова, О. Муродов). Фрунзе (Т. Д. Баялиева), Тбилиси (С. Б. Серебряков), Нальчика (М. Г. Кумахов), Сыктывкара (Ю. В. Гагарин). Из ученых Узбекистана в работе симпозиума приняли участие, помимо докладчиков, сотрудники Академии наук УзССР Р. А. Убайдуллаева, Х. Исмаилов, О. П. Умурзакова.

В 14 докладах, предложенных для обсуждения на симпозиуме советскими учеными, был рассмотрен широкий круг проблем. В докладах И. А. Крывелева «Религия как общественное явление», С. А. Токарева «Религия и религии с историко-этнографической точки зрения» изложены основные принципы марксистско-ленинского понимания религии как формы общественного сознания. И. А. Крывелев осветил следующие вопросы: 1) соотношение индивидуального и общественного содержания религиозной идеологии; 2) влияние религии на ход общественного развития; 3) церковь как базирующийся на религиозной идеологии социальный институт; 4) социальная роль религии на современном этапе. С. А. Токарев уделил особое внимание двуединой роли религии в жизни человеческого общества — как фактора интеграции и одновременно сегрегации; исследование этих функций докладчик считает главной задачей историка религии.

А. Ф. Окулов в докладе «Конституция СССР и проблемы свободы совести» рассмотрел правовые аспекты положения религии в СССР, осветил принципиальные позиции Советского государства в отношении к религии. П. К. Курочкин посвятил доклад «Созидательная роль научно-материалистического атеистического мировоззрения в процессе формирования нового человека» проблемам позитивного содержания атеизма.

Исторические предпосылки современных процессов, происходящих в сфере религиозного сознания, анализировались в докладах В. Ф. Миловидова «Православие в царской России», а также В. Н. Басилова и Г. М. Керимова «Ислам в царской России». Докладчики показали, что роль религии в наши дни во многом опреде-

лена особенностями положения религии в стране в дореволюционный период. А. И. Клибанов в докладе «Русское народное свободомыслие (XIII—XIX вв.)» обосновал положение, что разные типы современных верующих воспроизводят этапы отхода от религии, пройденные народной мыслью в прошлом.

Основная часть докладов советских ученых была посвящена характеристике процесса отхода населения нашей страны от религии в годы Советской власти. Этот процесс на материалах православия показала Л. А. Тульцева («Православие в СССР»), на данных протестантских религиозных течений — Э. Г. Филимонов («Эволюция протестантских конфессий в СССР»). Изменения во взглядах последователей различных вероучений, процесс модернизации верований и обрядности авторы рассматривали на фоне широких экономических, социальных и культурных преобразований, создавших необходимые условия для размытия религиозного сознания и распространения атеизма.

Проблематика, связанная с современным исламом, была представлена в докладах особенно подробно и полно. В докладах Г. М. Керимова «Ислам в СССР (1917—1945 гг.)» и А. В. Нуруллаева «Ислам в СССР (1946—1977 гг.)» были охарактеризованы основные этапы эволюции мусульманства в нашей стране; а также изменения, происшедшие к настоящему времени в официальном вероучении и культе. С. М. Мирхасилов в докладе «К характеристике изживания религиозных традиций в быту узбекского населения» на основе большого этнографического и этносоциологического материала дал всестороннюю картину реальных проявлений ислама в сознании и поведении разных возрастных групп верующих. В. Н. Басилов и К. К. Кубаков в докладе «Пережитки домусульманских верований в исламе» показали процесс отрицания верований и ритуалов, в свое время воспринятых исламом у вытесненных им местных религий.

К этой проблематике примыкал и доклад Н. П. Лобачевой «Формирование новой безрелигиозной обрядности — одно из проявлений секуляризации общественного сознания», в котором процесс создания новой обрядности освещался на материалах народов Средней Азии. Особое внимание к исламу в докладах советской делегации было вызвано тем, что симпозиум проходил в Узбекистане, в регионе традиционного распространения ислама; здесь изложенные в докладах сведения о процессе отрицания ислама индийские ученые могли сочетать с собственными наблюдениями.

Индийская делегация, состоявшая из семи человек: Ш. Ч. Дубе — руководитель (Джамму), М. Мири (Шиллонг), Притам Сингх (Амритсар), Р. Кумар (Аллахабад), С. Т. Локхандвалла (Симла), С. Чандра (Алигарх), Р. Найду (Хайдерабад), представила восемь докладов. В докладе Ш. Ч. Дубе «Гармонизирующие факторы в процессах развития и распространения индуизма» была особо подчеркнута гибкость этой религии, способность поглощать и сохранять в себе чуждые по происхождению культы. М. Мири в докладе «Плюральность религии, науки и секуляризма» поднял ряд общетеоретических вопросов, связанных с явлением секуляризации. В докладе Притама Сингха «Проблемы секуляризации в многорелигиозных обществах: опыт сикхизма» подробно освещено современное положение сикхизма в Индии. Р. Кумар в докладе «Секуляризм в многорелигиозных обществах на примере Индии» уделил большое внимание социально-экономическим процессам, лежащим в основе различных движений в религиозной сфере. С. Т. Локхандвалла в докладе «Секуляризм и ислам» сделал обстоятельный обзор истории ислама. С. Чандра в докладе «К вопросу о секуляризации: национализм в Индии в XIX в.» показал тесную связь между секуляризацией и процессом формирования движения за независимость страны. В докладе Р. Найду «Нарушение секулярных ситуаций» рассмотрены формы отклонений от «истинного секуляризма», который трактуется как абсолютное взаимное невмешательство государства и религии. Т. Н. Мадан (Дели), не сумевший принять участия в работе симпозиума, прислал доклад «Замечания об историческом значении секуляризма в Индии», посвященный предпосылкам и ранним стадиям современного процесса секуляризации в стране.

В ходе обсуждения докладов развернулась интересная и острая дискуссия, выявившая разные точки зрения советских и индийских ученых на ряд явлений, разный подход к исследованию религий. Споры касались в первую очередь теоретических проблем и тесно связанного с ними вопроса о понятийном аппарате и терминологии.

Так, индийские делегаты не сочли исчерпывающим широко принятое среди советских ученых определение религии, согласно которому основным признаком, выделяющим религию среди других идеологических явлений, служит вера в сверхъестественное (такое понимание религии, в частности, было предложено в докладе И. А. Кривелева). С. Чандра нашел данное определение слишком узким: по его мнению, возможно существование и «секулярных» религий. Под этим выражением он подразумевал идеологию, принимаемую на веру, имеющую свойства догмы. «В этом смысле даже атеизм может быть назван религией, если он превращается в догму ортодоксального характера», — сказал он. Ш. Ч. Дубе поддержал С. Чандру. Религия, по его словам, дает систему верований, которая объясняет отношение человека к различным компонентам мира, помогает установить цель действий личности и общества, ставит определенные границы свободы действий индивида. Система с теми же функциями, но без веры в бога, и есть «секулярная» религия.

Р. Кумар выразил сомнение в том, что буддизм соответствует определению религии как веры в сверхъестественное. Он также не раз заявлял, что в предложенном советской стороной определении религии не учтена специфика индуизма. Сам Р. Кумар, как

и другие индийские делегаты, не счел для себя возможным дать иную дефиницию, но подчеркнул, что принятое советскими учеными понимание термина «религия» внушено иудаизмом, христианством и исламом. По мнению Ш. Ч. Дубе, для индуизма «вера в сверхъестественное несущественна»: целый ряд религиозных сект выдвинули доктрину материализма, и все-таки они «не рассматривались как стоящие за пределами индуистской цивилизации». Далее, сказал он, «дхарма» (ближайший эквивалент понятия «религия» по терминологии индуизма) «объединяет в себе и явления светского порядка — экономику, плотские наслаждения, искусство».

Индийские ученые не согласились также с отнесением индуизма в классификации С. А. Токарева к национальным, а не мировым религиям. Из советских участников мнение С. А. Токарева поддержал Ю. И. Семенов; Н. Р. Гусева высказала мысль о том, что имеются основания считать индуизм мировой религией.

Иначе чем советские специалисты индийские ученые трактовали и социальную природу религии. Это обнаружилось при обсуждении доклада С. А. Токарева, в котором автор обосновывал положение, что религия «есть не столько отношение человека к богу (к богам), сколько отношение людей друг к другу — по поводу представлений о боге (о богах)». Р. Кумар сказал, что, в его понимании, С. А. Токарев затронул два аспекта религии: как внутренний мир индивида, его отношения с богом (богами), и как общественное явление («социология религии»). С. Чандра утверждал, что С. А. Токарев «недооценивает религию как явление личного порядка и переоценивает ее как социальную реальность». Таким образом, стоящие на одной позиции С. Чандра и Р. Кумар рассматривают отношение к богу как явление индивидуальной психологии, не соглашаясь с марксистско-ленинским пониманием религии как социального явления, в котором общности индивидуального отношения к богу социально опосредованы.

М. Мири согласился с формулировкой «религия—социальное явление», хотя и по иным соображениям. По его мнению, явления, названные в докладе И. А. Кривелева религиозными, должны истолковываться с учетом языковых факторов. «Язык определяет границы человеческого знания, границы его концептуальных систем, поэтому существенно определяет и ограничивает человека». А раз язык выступает как явление социальное, то такова же, по его мнению, и суть религии. «Я не уверен,—сказал далее М. Мири,—что возможна научно обоснованная теория происхождения религии. Мне кажется, что так называемая эволюционная антропология, из которой проф. Кривелев берет некоторые положения, допускает принципиальную ошибку, полагая, что возможна хорошо аргументированная теория происхождения религии». Такая теория, полагал М. Мири, «не смогла бы достаточно подробно объяснить специфичность религиозных символов».

М. Мири также возразил по поводу положения И. А. Кривелева, что «религия в целом ориентирует людей не на совершенствование общественных порядков в интересах трудящегося и эксплуатируемого большинства... а на консервацию существующего положения в надежде на его изменение к лучшему в результате вмешательства потусторонних сил». Дело не в самой религии, утверждал М. Мири, а в том, каким образом она используется. И то, что политические лидеры, пропагандируя религиозное благочестие, нередко совершают преступные, с точки зрения общечеловеческой морали, поступки, характеризует не религию, а нажим, который оказывает на нее современная цивилизация. Это же замечание, по его мнению, полностью применимо и к взаимоотношениям между религией и политикой. Р. Найдю в этом пункте не согласилась с М. Мири. «Известно много примеров того, как религиозные догмы руководили политиками»,—сказала она.

Неодинаковыми оказались позиции индийских и советских ученых и в оценке исторической роли религии и атеизма. Если советские делегаты безоговорочно признают процесс освобождения общества от религии прогрессивным, то индийские участники высказали другие взгляды. Например, в докладе Р. Найдю говорилось о религии как об имманентном свойстве сознания: «Для человеческого состояния религиозность есть некоторый функциональный императив». Определяя сущность религиозного опыта как «чувство абсолютной зависимости», она подчеркивала: «Чувство абсолютной зависимости есть не просто психическая реакция индивида в отношении к Абсолютному, оно коренится в экспериментальной матрице относительных зависимостей и подразумеваемых отношений...». В своем выступлении она признала религию полезной, помогающей человеку ориентироваться в мире. Эту точку зрения поддержал и Ш. Ч. Дубе, который сказал, что «не следовало бы недооценивать конструктивную, позитивную роль религии в обществе». Эту позитивную роль он усматривает в утверждении моральных норм религий. По его мнению, при современных успехах науки и техники «общество может прийти к практическому атеизму», но «атеизм может иметь очень отрицательные аспекты, если общество не обладает тем, что вы называете социалистической моралью». Поэтому распространение атеизма целесообразно лишь в том случае, когда обеспечены материальные условия для функционирования принципов новой морали. Притам Сингх, комментируя доклад П. К. Курочкина, заявил, что «духовные, моральные и эмоциональные качества, которые, по словам докладчика, присущи атеизму, почти те же, какие утверждают многие религии». Религия подвергалась испытанию уже в течение тысячелетий, и ее свойства известны. «Но атеизм как государственный культ еще должен пройти проверку временем». Таким образом, Притам Сингх проявил непонимание существа ате-

изма, который представляет собой неотъемлемую часть материалистического мировоззрения.

В ходе обсуждения докладов выяснилось также различное понимание советскими и индийскими учеными термина «секуляризация». Советские ученые секуляризацией называли процесс освобождения общественной жизни от влияния религии, являющийся общей закономерностью развития современного человечества в целом. Такое определение, в частности, было дано уже во вступительном слове вице-президента АН УзССР акад. М. К. Нурмухамедова, открывшего симпозиум¹. В докладах и высказываниях индийских ученых терминам «секуляризация», «секуляризм» придавался иной смысл. Так, по мнению Р. Найду, «секулярная философия ни отрицает уместность религиозных предписаний (основанных на незримых божествах и загробной жизни) для жизненного поведения, ни признает ее. Очевидно, это происходит потому, что между религией и секуляризмом нет никакой логической оппозиции, — они, скорее, опираются на взаимоисключающие философские системы»; это положение своего доклада она повторяла и в ходе дискуссии. «Я подразумеваю под секуляризацией разделение религии и государства», — разъясняла она. Р. Кумар определял понятие секуляризации как освобождение государства от религии, уничтожение связи между религией и политикой при конституционной гарантии религиозной свободы. Такие же взгляды высказывали М. Мири, С. Т. Локхандвалла. Также узкое, в известной степени формальное, понимание явления секуляризации, сводимого к полной взаимной независимости государства и религии, помешало отдельным индийским участникам симпозиума увидеть внутренние побудительные факторы ослабления влияния религии. Например, в докладе Р. Найду отход населения от мусульманского предписания соблюдать пост объяснялся лишь несовместимостью этого обычая с рабочей дисциплиной в условиях современного производства, что, по ее мнению, влечет за собой стремление государства запретить пост. Преобразования в мировоззрении верующих, вызванные изменившимися условиями жизни, Р. Найду не принимала во внимание.

В своих выступлениях советские ученые разъясняли основные позиции марксистского религиоведения, знакомили индийских коллег с фактами, освещавшими современное положение религиозных организаций в СССР и процесс отхода населения страны от религии.

Выступая в дискуссии, И. А. Крывелев обосновал ту точку зрения, что определяющим признаком религии служит вера в реальность сверхъестественного. Этим признаком, сказал он, обладают как индуизм, так и буддизм; в частности, уже раннему буддизму была присуща вера в сверхъестественные силы. И. А. Крывелев подверг критике позицию М. Мири, показав, что научно обоснованная теория происхождения религии успешно разрабатывается историками религии.

Ю. И. Семенов отметил, что доклады индийских делегатов лишь подтверждают принятое советскими учеными определение религии. Р. Найду, например, видит сущность религии в чувстве абсолютной зависимости; но это — зависимость от сверхъестественных сил.

В докладе Ш. Ч. Дубе, сказал Ю. И. Семенов, также признается, что индуизму свойственна и вера в сверхъестественное, и ритуальное общение со сверхъестественными существами, причем от богов и богинь ожидается кара за нарушение установлений индуизма. Другое дело, что религия не исчерпывается верой в сверхъестественное; существует, в частности, религиозная мораль (как часть системы правил поведения, предписанных той или иной религией). Однако мораль имеет земные корни, религия лишь освящает, санкционирует ее.

С. А. Токарев показал методологическую несостоятельность позиции ряда индийских ученых, согласно которой личное отношение к сверхъестественным силам отграничивается от социального содержания религии. Социальная роль религии проявляется и в ее интегрирующей и сегрегирующей функциях, которые рассмотрены в его докладе.

В своих выступлениях советские делегаты также обосновывали правомерность употребления термина «секуляризация» в значении, принятом в советской науке. Акад. М. К. Нурмухамедов подчеркнул, что тенденция к освобождению общественной жизни от влияния религии, получив прочную социальную основу в период формирования буржуазных отношений, в современную эпоху преобразовалась в могучий процесс, приобретший широкий размах во многих странах.

В. Ф. Миловидов сказал, что под секуляризацией в нашей стране понимается не только полное освобождение из-под влияния религии всех сфер общественной и личной жизни, но также и утверждение в нашем обществе научно-материалистического мировоззрения и коммунистических идеалов. Ю. И. Семенов обратил внимание на то, что процесс секуляризации имеет в разных странах неодинаковые формы и проходит различные стадии. Разница в советском и индийском определениях секуляризации отражает специфику процесса в Индии и в СССР. Индийские коллеги подчеркивали важность разделения государства и религии как гарантию равноправия всех граждан независимо от религиозной принадлежности. Очевидно, для Индии этот вопрос актуален. Но в

¹ Текст вступительного слова М. К. Нурмухамедова см.: «Общественные науки в Узбекистане», 1979, № 2, с. 29—32.

СССР религия давно отделена от государства и идет процесс полного освобождения человека от религии, обусловленный тем, что социализм подрывает корни религии. Сейчас в СССР подавляющее большинство населения—атеисты. Г. М. Керимов в выступлении по докладу С. Т. Локхандваллы выразил несогласие с мнением докладчика, что отдельные признаки процесса секуляризации наблюдались уже в первые века существования арабского халифата. А. Ф. Ахадов согласился с высказанной в докладе С. Т. Локхандваллы мыслью о том, что процесс секуляризации есть явление многостороннее, связанное со всеми сферами общественной жизни. Он рассказал о формах отхода от религии приверженцев шиизма в Азербайджане.

В выступлениях советских участников были также освещены различные аспекты современного положения религии в СССР. Необходимость разъяснения многих фактов была вызвана вопросами и высказываниями индийских делегатов, свидетельствующими о том, что некоторые их представления о жизни народов СССР основаны на недобросовестной информации зарубежных «советологов». А. Ф. Окулов рассказал о возможностях, которыми располагают религиозные организации в нашей стране для отправления культа. Как и другие советские делегаты, он подчеркивал, что исследователю не следует опираться на сочинения «советологов», если он хочет адекватно изучать советскую действительность. А. В. Нуруллаев остановился на вопросе о гарантиях свободы совести, зафиксированных в новой Конституции СССР, а также разъяснил смысл нового положения Конституции — запрещения возбуждать вражду и ненависть в связи с религиозными верованиями. Он проанализировал причины перехода современного мусульманского духовенства в СССР от позиций осуждения социализма к принятию его идеалов.

Острую критику советских участников вызвал доклад Р. Найду, в котором содержался ряд положений, выражающих непонимание сущности процессов, происходящих в нашей стране. М. Хамиджанова отметила ошибочность заявления Р. Найду, что в СССР соблюдение поста мусульманами расценивается как саботаж, и рассказала о действительном положении дел. Она решительно выступила и против утверждения Р. Найду, что в национальных республиках якобы идет процесс русификации. М. Хамиджанова обратила внимание индийских участников на факты, свидетельствующие о расцвете национальных культур и языков народов Советского Союза. Я. В. Минявичюс также убедительно показал в своем выступлении, что говорить о русификации нерусских народов в СССР в корне неверно; процесс же освоения русского языка представителями других народов прогрессивен, ибо способствует приобщению нерусских национальностей к мировым культурным ценностям. В связи с этим вопросом он рассмотрел и роль английского языка в Индии.

Р. Найду признала, что ее представления о жизни мусульман СССР основаны преимущественно на американской литературе. Она объяснила, что термин «русификация» употреблен в докладе лишь как аналог другому используемому ею термину—«индуизация», под которым понимается распространение в Индии культуры, связанной с индуизмом, и языка хинди. Ю. И. Семенов возразил, что и в этом смысле употребление термина «русификация» неправомерно, так как аналогом «индуизации» было бы «оправославливание», причем такой аналог в контексте доклада был бы неуместен, ибо православие в нашей стране не распространяется, а, напротив, переживает упадок, и число его последователей сокращается.

В своих выступлениях советские делегаты приводили и дополнительные сведения по тематике докладов. Так, В. Н. Басилов, Г. М. Керимов, С. М. Мирхасилов, Л. А. Тульцева, Э. Г. Филимонов в ответах на вопросы индийских ученых привели разнообразие факты, характеризующие этапы эволюции различных вероисповеданий в прошлом и настоящем. Н. П. Лобачева осветила задачи массового движения за создание новой безрелигиозной обрядности. Она остановилась, кроме того, на вопросе о критериях, позволяющих считать новый обряд соответствующим современным запросам общества.

В ходе дискуссии большой интерес участников симпозиума вызвали выступления сотрудников Академии наук УзССР. Р. А. Убайдуллаева выступила с комментариями к докладу С. М. Мирхасилова, поставив своей задачей показать социально-экономические причины процесса отхода женщин от религии. Вовлечение женщин в общественное социалистическое производство, сказала она, составило неотъемлемую часть деятельности Советского государства и общества по преодолению общей отсталости Средней Азии. Экономическое раскрепощение женщин сочеталось с предоставлением им равных с мужчинами возможностей в получении образования и профессиональной подготовки, в продвижении по работе, в общественно-политической и культурной деятельности.

Х. Исмаилов привел факты, дополняющие материалы доклада В. Н. Басилова и К. К. Кубакова об отмирании пережитков домусульманских верований в исламе. Он рассказал в этой связи о своеобразной корпорации дервишей-каляндаров, которая прекратила свое существование.

О. П. Умурзакова развила ряд положений, сформулированных в докладе Н. П. Лобачевой, подчеркнув, что новые обычаи и традиции складываются на базе творчески переработанных традиционных элементов культуры, имеющих национальную окраску, и новых, общесоветских черт социалистического образа жизни, отражающих интернациональные тенденции развития. Она привела некоторые новые данные, характеризующие как современную обрядность жителей Узбекистана, так и сохраняющиеся положи-

тельные традиции прошлого — уважение к труду, к родителям и старшим, взаимопомощь.

Интересный фактический материал содержался в выступлениях индийских ученых, дополнявших их доклады. Ш. Ч. Дубе, в частности, рассмотрел особенности процесса секуляризации в Индии. Секуляризм, сказал он, очень легко получил место в системе индуизма, сосуществуя с традиционными проявлениями религии, ибо в индуизме «всегда основное внимание уделялось сознательному культивированию различных образов жизни и поведения». В Индии существуют организации, поставившие себе целью сохранить индуизм, но и они допускают некоторую его модернизацию. Ш. Ч. Дубе отметил также, что за последние два десятилетия в Индии возник ряд новых культов. Появилась, например секта «богочеловеков», которым удалось стать популярными в стране (например, Саид-Баба, якобы обладавший способностью создавать «из ничего» ручные часы и французские духи). «Никто из вас не мог бы заявить, — сказал Ш. Ч. Дубе, — что был учителем бога. А я на протяжении нескольких месяцев был учителем лица, которое в дальнейшем оказалось богом». Ш. Ч. Дубе имел в виду одного из «богочеловеков», получившего признание во многих капиталистических странах мира.

Р. Кумар выразил убеждение, что в некоторых отношениях секуляризация не представляет для Индии столь серьезной проблемы, как для стран, где было распространено христианство или ислам. Вследствие своего аморфного характера индуизм «может найти пути к более устойчивому сосуществованию с обществом, в котором социальная и экономическая демократия возьмут верх».

Притам Сингх остановился на специфике модернизации сикхизма в Индии. В сикхизме, указал он, большое значение имеют внешние признаки приверженности религии. Человек, сбросивший бороду, считается у сикхов ренегатом, перешедшим в индуизм. И хотя лица, расставшиеся с бородой, в ряде случаев более ревностно соблюдают предписания сикхизма, чем люди, которые продолжают носить бороду, общественное мнение не считает их сикхами. Тем не менее, как и другие религии, сикхизм подвержен модернизации, но она пока затрагивает иные сферы.

М. Мири рассказал о христианизации населения в северо-восточной части Индии, причем указал на то, что этот процесс сопровождался материальным поощрением новообращенных. Христианское духовенство толкало население к отрицанию прежних религиозных традиций, что, по мнению М. Мири, привело к духовному обнищанию народа.

* * *

Симпозиум, проведенный в Ташкенте, имеет большое значение для развития научных связей между СССР и Индией, так как он способствовал лучшему взаимопониманию обеих сторон. Это отмечали в своих заключительных выступлениях главы делегаций. Ш. Ч. Дубе сказал, что части индийских делегатов симпозиум дал первое знакомство с идеями и явлениями, характерными для совершенно иного для них образа жизни. Выступления советских участников, добавил он, осветили индийским ученым «многие области, доселе покрытые мраком, что в огромной мере способствовало нашему пониманию современного советского общества».

Вице-президент Академии наук УзССР М. К. Нурмухамедов, закрывая симпозиум, подчеркнул, что взаимное выяснение научных взглядов и принципов — полезное дело, помогающее крепить дружеские контакты двух больших стран Евразийского континента — СССР и Индии. Симпозиум, сказал он, явился убедительным аргументом, направленным против распространенного в Индии тезиса буржуазной пропаганды о том, что в Советском Союзе положение религии якобы окутано покровом тайны, ибо в области религиозной веры будто бы ущемляются права человека. В докладах и выступлениях советских ученых показана несостоятельность подобных утверждений, на большом фактическом материале обоснован вывод, что отход населения нашей страны от религии — объективный процесс, вызванный огромными преобразованиями, происшедшими в жизни народов СССР за годы Советской власти, и обусловленный коренными изменениями в мировоззрении людей.

Успеху симпозиума в немалой степени способствовала и насыщенная программа различных мероприятий для участников симпозиума. В Ташкенте они познакомились с достопримечательностями города, побывали в музеях и театрах, посетили Ташкентский государственный университет, школу, в которой учат хинди, а также Духовное управление мусульман Средней Азии и Казахстана. По завершении рабочей программы симпозиума участники побывали в Бухаре и Самарканде, после чего индийская делегация приехала в Москву. Индийские ученые совершили поездку в Загорск, где осмотрели музеи, а также духовную семинарию и академию, провели беседы с руководством этих учреждений.

Работа симпозиума широко освещалась средствами массовой информации (печать, радио, телевидение).

Доклады, обсужденные на симпозиуме, предполагается издать в СССР и Индии.

В. Н. Басилов, С. М. Мирхасилов